DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.042

О. С. ПоршневаУДК 94(47) "1917.02.27" + 94(100) "1914/9" +
+ 323.332 + 323.4*Уральский федеральный университет*
Екатеринбург, Россия

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ РАБОЧИХ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЯ 1917 г.: К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ РЕВОЛЮЦИИ*

В статье в контексте современной историографической ситуации рассматривается вопрос о роли рабочего движения, настроений и поведенческих практик рабочих в развитии и разрешении революционного кризиса накануне Февраля 1917 г. Автор анализирует основные факторы и проявления усугубления протестных настроений и протестной активности рабочих в середине 1915 – начале 1917 г. Показаны роль в развитии общественного кризиса политической стачечной борьбы наиболее урбанизированных слоев рабочих, прежде всего металлистов Петрограда; корреляция между ухудшением социально-экономического положения и ростом протестной активности массовых слоев рабочих; зависимость динамики рабочего движения от кризиса верхов. Доказывается, что протестные практики рабочих, получившие импульс осенью 1916 г., базировались на их представлении о необходимости радикальной демократизации политического строя, ликвидации самодержавного режима, получившем широкое распространение в рабочей среде. Признавая, что не рабочие сыграли решающую роль в свержении самодержавия в Феврале 1917 г., автор выступает против недооценки роли рабочих как одного из главных социальных акторов Революции. Он доказывает, что почва для свержения самодержавия созрела в массовых настроениях рабочих, их стихийном движении, на которое опирались левые партии, а без высокой активности рабочих события Февраля не приобрели бы характера народного движения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Февральская революция 1917 г.; рабочие; рабочее движение; революционный кризис; Россия; Первая мировая война.

Постановка проблемы

В год столетия Русской революции 1917 г. в центре научных и общественных дискуссий оказался целый ряд актуальных вопросов, среди которых проблема неизбежности / вероятности Революции, ее причины, роль различных политических сил и народных масс в событиях и мн. др. В новейшей историографии по этим проблемам высказываются различные, порой полярные точки зрения, острота дискуссий в ряде случаев достигает беспрецедентного накала [см.: Петров, с. 4–7; Нефедов, 2017]. Как отметил директор Института российской истории РАН Ю. А. Петров в своей «юбилейной» историографической статье,

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

© Поршнева О. С., 2017

«Россия кануна Великой революции для отечественной историографии – тема традиционная, но в связи со 100-летней годовщиной событий 1917 г. открывающая множество новых граней. И надо признать, что исследование многообразной политической, социальной, экономической, интеллектуальной жизни России эпохи “великих потрясений” остается актуальной задачей историков» [Петров, с. 9].

Внимание научного сообщества пока в должной мере не привлекли материалы международного проекта по истории Февральской революции, осуществленного в Санкт-Петербурге к ее 100-летию [Февральская революция 1917 г.], способного пролить свет на спорные вопросы. Благодаря полученным в ходе его реализации результатам появилась возможность комплексно осмыслить современную историографическую ситуацию на основе анализа оценок и мнений ведущих российских и зарубежных историков по таким проблемам, как роль предвоенных процессов и Первой мировой войны в возникновении Революции, «историческая вина» за нее, роль конкретных политических сил в падении самодержавия, историческое значение Февраля и ряд других. Результаты проекта были обобщены доктором исторических наук, проф. В. В. Калашниковым, в виде анализа материалов Вопросника по истории Революции¹, предложенного 25 ведущим историкам, в том числе 14 российским и 11 зарубежным [Там же, с. 137–174]. Он показывает, что среди оценок, касающихся проблем предвоенной России, угрожающих политической стабильности страны, доминируют две позиции: констатация комплекса причин, определивших нарастание социально-политической нестабильности, и наличие проблемы самодержавной власти [Там же, с. 139]. Результаты также демонстрируют, что предметом современного историографического консенсуса является признание решающей роли Первой мировой войны в возникновении Революции 1917 г. Большинство историков обозначили войну как сделавшую Русскую революцию «весьма вероятной», другие — «неизбежной» и только один историк высказал иную точку зрения [Там же, с. 140].

Была ли революция результатом «заговора» буржуазно-либеральной элиты и части генералитета против монарха? Какую роль сыграло массовое рабочее движение в ее назревании и развертывании? «Практически “вечный” вопрос о соотношении стихийного и рукотворного в событиях Февраля 1917 г., — справедливо отмечает Ю. А. Петров, — предполагает особое внимание к *проблеме массового движения* (здесь и далее курсив мой. — О. П.)» [Петров, с. 8].

Признавая решающую роль либеральных деятелей и генералитета в отречении Николая II, а солдатских масс — в свержении самодержавия, мы полагаем, что почва для этого акта созрела в массовых настроениях рабочих, без активности которых события Февраля не приобрели бы характера народного движения. В данной статье мы ставим задачу показать, что дискредитация самодержавной

¹ Вопросник был предложен проф. В. В. Калашниковым и отредактирован известным специалистом по истории Русской революции, проф. А. Рабиновичем (Индианский университет, США).

власти и правительства в глазах рабочих стала накануне Февраля центральным фактором, определявшим восприятие рабочими событий и их массовое участие в антиправительственном движении, начавшемся 23 февраля в Петрограде и приведшем к победе Революции.

Результаты исследования

Социально-экономическая ситуация в стране и, в особенности, продовольственный кризис оказывали с середины 1915 г. заметное влияние на социальное самочувствие рабочих. В постсоветский период в ряде исследований, проводившихся с применением количественных методов, была убедительно показана корреляция между ухудшением социально-экономического положения рабочих и, в частности, динамикой цен на весовой черный хлеб, и ростом их забастовочного движения и продовольственных волнений с лета 1915 г. [Хеймсон, Бриан; Лекомцев].

В ряде новейших исследований проанализировано влияние продовольственного кризиса на поведение городского населения, в том числе рабочих, оцениваемое историками по-разному [Парамонов; Семенова, с. 136–159; Белова, с. 68–78; Нефедов, 2016, с. 143–147]. Нам представляется обоснованной позиция Е. Ю. Семеновой, показавшей на базе введения в оборот и интерпретации разнообразных источников влияние продовольственного кризиса на социальные и индивидуальные поведенческие практики городского населения Поволжья. Автор пришла к выводу, что их характеризуют нагнетание у горожан чувства недовольства, находившего выход во все более агрессивных действиях, «простиравшихся» от критики и угроз до погромов, телесных повреждений и убийств [Семенова, с. 159].

Это наблюдение о росте социальной агрессии подтверждается целым рядом данных, касающихся как Поволжья, так и других регионов. В отчете Казанского губернского жандармского управления (далее — ГЖУ) в Департамент полиции за сентябрь 1915 г. мы читаем: «Рабочие, приписывая увеличивающуюся дороговизну мелким торговцам, желающим якобы воспользоваться моментом для наживы, упорно говорят о необходимости разгрома лавочников, чего ввиду крайнего озлобления рабочей массы действительно можно ожидать при малейшем к тому поводе» [ГАРФ, ф. 102, оп. 124, 1915 г., д. 108, л. 10]. Центральный военно-промышленный комитет (далее — ЦВПК) в своей аналитической записке от 28 июля 1916 г. признавал, что основная причина роста забастовочного движения — дороговизна жизни, «опрокинувшая рабочие бюджеты» [РГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 6, л. 115].

Наряду с ростом забастовочного движения с середины 1915 г. происходило неуклонное распространение погромных моделей поведения и погромных настроений среди рабочих. По данным Ю. И. Кирьянова, недемонстрационных и нестачечных форм стихийных продовольственных волнений (погромов), в которых принимали участие рабочие и члены их семей, в 1915 г. было 15,

за первые 5 месяцев 1916 г. — 15, в июне-декабре 1916 г. — 38, в январе-феврале 1917 г. — 10 [Кириянов, с. 8–9]. Участниками этих выступлений были солдатки, рабочие, работницы, подростки. Женщины-работницы и солдатки были начинщиками и основными участниками этих выступлений, получивших название «бабьих бунтов». Эти бунты в феврале-ноябре 1916 г. достигли наивысшего размаха, охватив Воронежскую, Нижегородскую, Кубанскую, Оренбургскую, Ставропольскую, Харьковскую, Таврическую, Черниговскую, Подольскую, Киевскую губернии, почти все Поволжье и Урал, некоторые районы Сибири [Канищев, с. 47]. В Петрограде осенью 1916 г. бунтарские вспышки на продовольственной почве, сопровождавшиеся погромами магазинов и лавок, стали чуть ли не обычным бытовым явлением [Там же, с. 48].

В циркуляре Департамента полиции МВД от 9 января 1916 г. указывалось на дороговизну и голод как главную угрозу политической стабильности и почву антивоенной пропаганды, в то время как «ни военные неудачи, ни революционная агитация не оказывают серьезного влияния» [ГАСО, ф. 181, оп. 1, д. 1, л. 235]. В документе ЦВПК о рабочем движении от 28 июля 1916 г. также отмечалось влияние этого фактора на настроения рабочих, которые характеризовались «снижением патриотического духа и озлоблением» [РГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 6, л. 120–121].

Правительство ужесточило борьбу с забастовочным движением рабочих, введя в феврале-июле 1916 г. ряд мер в этом направлении [Там же, л. 84–85; д. 36. II, ч. 2, л. 536]. 30 апреля 1916 г. Заводское совещание в своем постановлении предложило запретить свободный переход рабочих-военнообязанных с одного предприятия на другое, самовольный отказ или уклонение от работ, предъявление требований об изменении условий труда без предварительного рассмотрения их «надлежащими учреждениями» и другие меры по милитаризации труда в промышленности [РГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 36. II, ч. 2, л. 536]. 22 июля 1916 г. Совет министров на своем заседании одобрил указанные меры борьбы с забастовками [Там же, д. 39, ч. 2, л. 212]. В правительстве обсуждались планы дальнейшей милитаризации труда: в октябре 1916 г. сенатор Гарин, помощник военного министра, в письме Председателю Особого совещания отмечал: «Для сохранения спокойствия на предприятиях, работающих на оборону, следовало бы всех военнообязанных рабочих призвать в войска и командировать на заводы в качестве нижних чинов» [Там же, ч. 3, л. 381].

Против такой политики правительства выступали как сами рабочие, прежде всего петроградские металлисты, так и либеральная буржуазия, либеральная оппозиция, видевшие в рабочих союзников в борьбе с самодержавием. ЦВПК в документе о рабочем движении, подписанном зам. председателя А. Коноваловым, констатировал, что указ о мобилизации промышленности, закрепощающий рабочих и служащих и запрещающий забастовки, не создает условий для их ликвидации, а переводит экономическую борьбу рабочих в политическую. Отмечалось, что планомерная работа по мобилизации промышленности заменена ее милитаризацией, что вызовет усиление забастовочного движения [Там же, д. 6,

л. 118–119]. Вместо этого, по мнению руководства ЦВПК, необходимо создать органы посредничества между рабочими и предпринимателями по улаживанию конфликтов, развивать профессиональные организации рабочих, создать институт старост, биржи труда, укреплять кооперативное движение, прекратить репрессии в отношении рабочей прессы, урегулировать вопросы выплаты заработной платы [РГВИА, ф. 369, оп. 9, д. 6, л. 120–122]. «Рабочий класс, — указывалось в документе, — должен быть опорой государства, а не враждебной силой, власть должна идти навстречу удовлетворению основных нужд рабочего класса» [Там же, л. 122–123].

Однако идеи социального партнерства рабочих с буржуазией, исповедуемые частью рабочих и социалистов — лидеров рабочих групп Военно-промышленных комитетов (далее — ВПК) и частью буржуазии, не нашли отклика и понимания ни у власти, ни у большинства предпринимателей, ни у широкой рабочей массы, вынужденной прибегать к более решительным, привычным в традициях российской политической культуры силовым методам воздействия на работодателей. Рабочие добивались повышения заработной платы упорной борьбой. Эта практика забастовочного давления вынуждала предпринимателей идти на уступки и была достаточно эффективной. Две трети забастовок экономического характера в 1915 г. заканчивались полным или частичным удовлетворением требований рабочих [ГАРФ, ф. 102, оп. 124, 1915 г., д. 144, т. 2, л. 51, 93, 156, 194–195, 214–215].

Участие рабочих в массовых погромах свидетельствовало о широком распространении в их среде настроений безнадежности и отчаяния, провоцирующих насилие, не совместимых с реформистскими установками сознания, партнерскими моделями поведения.

Политические забастовки рабочих в 1916 — начале 1917 г., по данным количественного анализа, были в первую очередь обусловлены динамикой «кризиса верхов» и в меньшей степени — агитационно-пропагандистской деятельностью революционных партий [Лекомцев, с. 147], что косвенно свидетельствует о поддержке частью рабочих борьбы либеральной оппозиции с режимом. В политических стачках участвовали, прежде всего, урбанизированные рабочие крупных промышленных предприятий, главным образом Петрограда и Москвы. Так, из 137 699 участников политических забастовок, зарегистрированных на всех предприятиях, подведомственных фабричной инспекции в январе-июне 1916 г., рабочие-металлисты составляли 84 %, а на рабочих-металлистов Петроградской губернии (к концу года составлявших около 6,3 % рабочих, подчиненных фабричной инспекции) приходилось 77,1 % общего числа участников политических забастовок в целом по стране [Хеймсон, Бриан, с. 99]. Во второй половине 1916 — феврале 1917 г. концентрация участников политических забастовок в среде рабочих-металлистов увеличилась, достигнув в июле-декабре 1916 г. 91 % (по данным о предприятиях, подведомственных фабричной инспекции) [Там же, с. 101].

Период осени 1916 — начала 1917 г. ознаменовался не только обострением «кризиса верхов», повлиявшим на политическую активность рабочих,

но и ростом их собственных протестных действий и настроений. Политические стачки превысили экономические в октябре 1916 г., еще до начала «либеральной атаки» на правительство, когда рабочие Петрограда протестовали против расправы над солдатами 181-го запасного пехотного полка, отказавшимися стрелять в рабочих Выборгской стороны — участников продовольственных беспорядков, а также против суда над 19 балтийскими матросами, обвиненными в принадлежности к военно-морской организации большевиков [Меньшевики в 1917 г., с. 124]. В стачках по этим мотивам в октябре 1916 г. участвовало 138 076 рабочих из 138 531 участника политических стачек [Рабочее движение, с. 192].

Обстановка накалилась осенью 1916 г. в связи с ухудшением социально-экономической ситуации, переходом оппозиции к активной критике правительства, ростом недовольства образованного общества, развертыванием протестных практик рабочих, успехом пропаганды социалистов-революционеров в армии, что позволяет говорить о резком обострении общественно-политического кризиса в этот период. В обширном аналитическом докладе Петроградского охранного отделения Особому отделу Департамента полиции за октябрь 1916 г., содержащем красноречивые свидетельства *всех вышеперечисленных его проявлений*, делалось заключение: «Россия близка если не к революции, то, во всяком случае, к крупнейшим беспорядкам, могущим возникнуть повсеместно, если не будут приняты соответствующие предупредительные меры» [Доклад Петроградского охранного отделения, с. 249]. В докладе отмечался успех среди петроградских рабочих «за последнее время» антивоенных листовок с призывами к немедленному прекращению войны: «Успех этих листовок на заводах, где еще год тому назад всякая прокламация вызывала осуждение со стороны самих рабочих, определенно показывает, что настроение масс очень резко изменилось» [Там же, с. 254]. Далее, со ссылкой на мнение представителя рабочей группы ЦВПК, говорилось о том, что «рабочий пролетариат столицы близок к отчаянию и достаточно какого-нибудь провокационного сигнала, чтобы в столице разразились стихийные беспорядки с десятками и десятками тысяч жертв» [Там же].

Обличение лидерами Прогрессивного блока власти «темных сил», знаменитая речь П. Н. Милюкова 1 ноября 1916 г. в Думе, где он обвинял правительство в «измене», нашли широкий отклик в среде рабочих. Об этом свидетельствуют резкое увеличение в этот период потока писем и телеграмм рабочих (многие из которых были коллективными) в адрес Государственной думы с выражением поддержки ее антиправительственной позиции; резолюции митингов, собраний рабочих, которые также в массовом порядке в ноябре 1916 — феврале 1917 г. направлялись в Думу [см.: РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 1189, 1213, 1239]; лозунги рабочих забастовок в январе-феврале 1917 г.; распространение на предприятиях резолюций совещаний представителей общественных организаций, проходивших в декабре 1916 г. [ГАРФ, ф. 102. ДП ОО, оп. 247, 1917 г., д. 341, ч. 56, л. 1–2].

В приветствиях, адресованных Думе, рабочие благодарили ее за «слова правды и справедливости» и надеялись на продолжение ее решительной борьбы с властью. В некоторых посланиях эта мысль выражалась предельно эмоционально.

Рабочие Коломенского завода, к примеру, желали Думе «донести меч правды до конца во славу Родины» [РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 1189, л. 121]. В письме представителя Рабочей группы из Тулы Н. Порохова говорилось: «Слова, сказанные с кафедры Государственной думы, зажгли пламя надежды» [Там же, л. 222]. Наряду с выражением поддержки Думе в письмах и резолюциях рабочих ясно звучал призыв к народным представителям не идти ни на какие компромиссы и соглашения «с правительством старого режима», так как последние будут рассматриваться рабочими как измена делу народа [Там же, л. 224; д. 1239, л. 1, 16].

В письмах и резолюциях рабочие разных регионов и городов России выражали недоверие правительству, по их представлениям, ведущему страну «к разорению и гибели», требовали коренного изменения политического порядка и общественного строя путем создания правительства, ответственного *перед всем народом*, а не только перед Государственной думой, в чем проявлялась отличная от либеральной позиция рабочих и левых сил [Там же, д. 1189, л. 224; д. 1239, л. 1, 2, 12, 16].

Другим важнейшим вопросом, поднимавшимся в письмах и на митингах рабочих в ноябре-декабре 1916 г., была неправомерность, по их оценкам, временного отстранения от работы депутатов — социал-демократов и трудовиков, их удаления с заседания Думы 19 ноября 1916 г. из-за постановки ими вопроса о необходимости коренной реформы политического строя. Рабочие Обуховского, Путиловского, Эриксона, Петроградского металлического, Самарского трубочного заводов, Ф. Сан-Галли и многих других выражали солидарность с действиями депутатов, называя их своими единственными представителями в Думе, и протестовали против действий думского большинства, которые квалифицировались как «удар демократии и делу освобождения страны», «политическое преступление перед страной» [Там же, д. 1239, л. 1, 3, 5, 6, 9, 10, 17, 18].

Наиболее распространенными требованиями, высказывавшимися в письмах и резолюциях рабочих, были необходимость немедленного введения демократических свобод и полной и всеобщей политической амнистии (в том числе и в первую очередь освобождения социал-демократических депутатов IV Государственной думы); заключение всеобщего демократического мира; отмена всех законов, проведенных правительством по ст. 87; создание комиссии для расследования преступлений царского правительства и «придворной камарильи» [Там же, л. 1, 2, 6, 11–13, 16–17; д. 1189, л. 224].

В то же время в ряде писем (прежде всего провинциальных корреспондентов) подтверждалась готовность рабочих прилагать усилия в борьбе с внешним врагом, защищать Отечество [Там же, д. 1189, л. 220–222, 224, 241]. В письме рабочих Тулы говорилось, что под воздействием выступления Думы «усиленно заработал молот в могучих руках рабочих, кующих оружие победы... Мы, рабочие, не покладая рук работаем и сражаемся на поле брани против внешнего врага с полной надеждой на Бога и его святое провидение... Победы и мира вовеки!» [Там же, л. 222]. В другом письме, содержащем приветствие Государственной думе в ее борьбе с правительством, утверждалось, что «под игом тевтонов будет плохо»

[РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 1189, л. 241]. Подобные высказывания свидетельствуют о складывании под воздействием революционного кризиса социально-психологических предпосылок трансформации оборонческих настроений рабочих в революционно-оборонческие.

Общим для всех писем и резолюций рабочих является ощущение авторами эпохальности, «грозного» характера переживаемого момента, грядущих потрясений, близкого восстания, скорой расправы с угнетателями — «эсхатологизм» мироощущения. Ожидание глубоких перемен, жажда социального идеала, предвосхищение нового откровения ярко проявились в языке посланий рабочих в Думу, свидетельствуя об актуализации мифологической составляющей их сознания. В уже цитируемом письме рабочих Тулы мы встречаем поистине манихейские заклинания: «Настало время великой борьбы, правды, света, борьбы со злом и тьмою» [Там же, л. 222]. В другом письме рабочих, адресованном М. В. Родзянко, от 30 января 1917 г., отчетливо проступает ожидание Спасителя, мессии: «Ты единственный печальник и представитель наш. На тебя вся надежда нас всех. Спасай Отечество, явись тем Мининым... Беда близится... Опять Господь дает испытание великой России. Ее гибель создает министр Протопопов с компанией... Народ будет рассчитывать с виновниками этого несчастья» [Там же, л. 241]. В этом письме встречается чрезвычайно редкое для рассматриваемого периода проявление монархических настроений, оставшихся у части рабочих: «Езжайте к царю, — пишет “уполномоченный рабочих”, обращаясь к М. В. Родзянко, — и скажите ему все, что есть. Предупредите его, великого труженика, что игра его камарильи опасна для него лично и его страны, а, в частности, народа... Восстание вот-вот вспыхнет» [Там же].

О кризисном состоянии сознания рабочих, психологически готовых к потрясениям, свидетельствует и широкое распространение осенью 1916 г. в разных регионах на заводах и фабриках, по данным рабочей группы ЦВПК, различных слухов, в частности, о начавшемся где-то восстании, забастовке полиции, взрывах и т. д. [Меньшевики, с. 435–437].

Дуалистический код мышления, характерный для многих рабочих — вчерашних крестьян, продуцировал способность быстрого перехода от одного полюса к другому в оценке политических деятелей. Это, в частности, ярко проявилось в отношении к М. В. Родзянко, который в рассматриваемый период и в первые дни после Февраля воспринимался многими рабочими и крестьянами не иначе как «спаситель» и «единственный защитник» [РГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 1253, л. 1–171], в то время как в письмах в центральные органы Советов весной-летом и особенно осенью 1917 г. в новой политической ситуации он стал, наряду с другими бывшими руководителями Думы, объектом самых резких выпадов и проклятий [см.: ГАРФ, ф. 1235, оп. 53, д. 3, 4, 9, 10, 64–68; ф. 6978, оп. 1, д. 521]. Сам факт «героизации» рабочими — думскими корреспондентами — персоны М. В. Родзянко накануне Февраля весьма красноречив: он свидетельствует об их поддержке Думы, персонифицированной в фигуре лидера, в ее борьбе с правительством.

Более образованная, «сознательная» часть рабочих облекала свои ожидания в формулы и словесные клише, предлагаемые социалистическими партиями (о необходимости реализации интересов народа, демократических идеалов, коренных перемен общественного строя, создания демократической республики и т. д.).

Под лозунгами создания ответственного перед народом правительства, отстранения от власти царского правительства, заключения всеобщего демократического мира проходили январские забастовки рабочих 1917 г. В Письме Рабочей группы ЦВПК другим рабочим группам военно-промышленных комитетов (распространенном в середине января 1917 г.) была дана следующая характеристика настроений в рабочих кругах Петрограда: «Взгляды и настроения организованных элементов рабочих Петрограда... сводятся к тому, что страна вступила в полосу небывало резкого столкновения буржуазно-цензовой России с властью» [Меньшевики в 1917 г., с. 113]. С 5 января 1917 г., отмечалось в Письме, в Петрограде началась полоса заводских митингов, которые заканчивались вынесением резолюций, направленных в Государственную думу и требующих от нее отказа от половинчатой политики и немедленного вступления на путь решительной борьбы с правительством. В одной из таких резолюций говорилось:

Стремясь к тем же целям, какие были выдвинуты рабочим движением в 1905 году, российский пролетариат при нынешних условиях в первую очередь выдвигает образование Временного правительства, опирающегося на организующийся в борьбе народ. Это правительство именем народа и в его интересах решит вопрос о войне и мире и приступит к политической реорганизации страны [Там же].

В Обращении совещания организованных рабочих социал-демократов Петрограда к рабочим всех фабрик и заводов города (первая половина января 1917 г.) делался акцент на различии интересов имущих классов и рабочих в грядущей демократической революции, победа в которой, по убеждению авторов, будет невозможна без активного участия пролетариата.

Буржуазия стремится к политической реформе, к либеральному режиму. Не мешая ее борьбе против общего врага — самодержавия, пролетариат будет добиваться своей цели: наиболее полной демократизации страны... При политическом преобразовании страны буржуазия стремится сохранить нынешние жестокие и удобные для нее формы эксплуатации труда капиталом. Рабочий класс потребует ряда социальных реформ, облегчающих его борьбу с эксплуатацией и эксплуататорами. Буржуазия, вместе с устранением нынешнего режима, попытается дать волю своим захватническим завоевательным (империалистическим) аппетитам. Пролетариат и демократия, протестуя самым решительным образом против всяких военных насилий, будет добиваться мира на условиях, приемлемых для рабочих всех стран [Там же, с. 110].

Рост политической активности рабочих был отмечен в первые два месяца 1917 г., когда число политических стачек превысило количество забастовок по экономическим мотивам. Это имело место в январе, когда рабочие бастовали

в память о событиях 9 января 1905 г., а также протестовали против отсрочки созыва Государственной думы и продолжения войны [Меньшевики в 1917 г., с. 314; ГАРФ, ф. 102, оп. 125, 1916 г., д. 101, т. 4, л. 11–15]. Самыми массовыми были забастовки в память 9 января: из 229 политических забастовок с числом участников 162 978 в январе 1917 г. только в Петрограде 9 января бастовало 114 предприятий с 137 536 рабочими [Рабочее движение..., с. 314; Рабочий класс России, с. 328], по стране в целом в этот день бастовало более 186 тысяч рабочих [Меньшевики в 1917 г., с. 111].

В январе-феврале 1917 г. в Петрограде резко обострилась продовольственная ситуация, в рабочих районах начался голод. «Почти всем полицейским чинам приходится ежедневно слышать жалобы, что не ели хлеба по два-три дня и более, поэтому легко можно ожидать крупных уличных беспорядков», — докладывал полицейский пристав [цит. по: Нефедов, 2016, с. 144]. И они наступили 23 февраля 1917 г.

Выводы

Таким образом, настроения рабочих в пользу глубокой демократизации существующей власти, основанные на неприятии самодержавно-бюрократических порядков, серьезно скомпрометированных в их глазах в период войны, получили накануне Февраля широкое распространение. Они обусловили положительное восприятие политизированными рабочими идеи ответственного перед народом правительства, пропагандируемой социалистами.

Для наиболее квалифицированных, урбанизированных рабочих в период обострения революционного кризиса в 1916–1917 гг. было характерно резкое увеличение политической активности, выразившееся, прежде всего, в их интенсивном участии в политических стачках — специфически пролетарском методе воздействия на власть, в ходе которых выдвигались радикальные политические лозунги и требования к правительству. Опыт политической стачечной борьбы, иных форм протестного движения, деятельности в составе рабочих групп ВПК и других общественных организаций во многом подготовил этих рабочих к участию в политическом процессе в период после Февраля 1917 г. Главную роль в политической борьбе с режимом играли металлисты Петрограда, определяющую — рабочие двух столиц.

Для политически активных рабочих задача глубокой демократизации политического строя вышла на первый план, от ее решения, в их представлении, зависели обеспечение достойного уровня материального благосостояния, политико-правового, социального и культурного равноправия, реализация задачи защиты страны от внешнего врага / заключения демократического мира.

Для политически более инертных, менее обеспеченных слоев рабочих главным приоритетом стала борьба за экономическое выживание, косвенно направленная против существующего режима и войны, породивших продовольственный кризис. Она обусловила развитие с середины 1915 г. экономической

забастовочной борьбы рабочих, главным образом за повышение заработной платы, а также их широкое участие в различных формах продовольственных выступлений, воплощавших практики традиционного бунтарства. В результате изменений в социальном составе рабочего класса произошло расширение социально-психологической базы перенесения на городскую почву общинных традиций трудовой демократии и коллективизма, крестьянских ценностей уравнительной справедливости, что ярко проявлялось в протестном движении массовых слоев рабочих.

Лидеры рабочего движения, члены рабочих групп ВПК, накануне Февральской революции формулировали более радикальное, чем либералы, основанное на социал-демократических идеях, а также господствовавших в рабочей среде умонастроениях и ожиданиях, понимание задач демократической революции как серьезного шага в направлении реализации социальной справедливости. Несмотря на координацию лидерами Рабочей группы ЦВПК своих действий с буржуазно-либеральной оппозицией, неправомерно приписывать последней «заслугу» «организации» Революции, так как почва для участия рабочих Петрограда в революционном движении созрела в их антисамодержавных умонастроениях, широко распространившихся в годы войны и ярко проявившихся в ситуации резкого обострения продовольственного кризиса в январе-феврале 1917 г.

Источники

ГАРФ. Ф. 102. ДП МВД 4-е Д-во. Оп. 124. 1915 г. Д. 108, 144. Т. 2; Оп. 125. 1916 г. Д. 101. Т. 4; ДП ОО. Оп. 247. 1917 г. Д. 341. Ч. 56; Ф. 1235. Оп. 53. Д. 3, 4, 9, 10, 64–68; Ф. 6978. Оп. 1. Д. 521. ГАСО. Ф. 181 Оп. 1. Д. 1.

Доклад Петроградского охранного отделения Особому отделу Департамента полиции, октябрь 1916 г. // Политические партии и общество в России в 1914–1917 гг. / под ред. Ю. И. Кырьянова. М. : ИРИ РАН : ИНИОН, 2000.

Меньшевики : док. и мат. 1903 — февраль 1917 гг. М. : РОССПЭН, 1996.

Рабочее движение в годы войны. Материалы по истории рабочего движения в России. М. : Вопросы труда, 1925.

РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 6, 36 II. Ч. 2; 39. Ч. 2, 3.

РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1189, 1213, 1239, 1253.

Исследования

Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 — февраль 1917 г. / под ред. Г. А. Бордюгова. М. : АИРО–XXI, 2011.

Канищев В. В. Русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов : Изд-во ТГУ, 1995.

Кирьянов Ю. И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 — февраль 1917) // Отеч. история. 1993. № 3. С. 3–18.

Лекомцев М. Г. Формы борьбы рабочих в Центральном промышленном районе России и факторы экономического и политического развития в годы первой мировой войны (июль

1914 — февраль 1917 г.) // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях / отв. ред. Л. В. Милов. М. : Наука, 1992. С. 142–154.

Меньшевики в 1917 году : в 3 т. / под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. М. : Прогресс-Академия, 1994. Т. 1.

Нефедов С. А. Астория // Новый мир. 2016. № 10. С. 142–150.

Нефедов С. А. О Февральской революции и «заговоре Гучкова» [Электронный ресурс] // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 2/1. URL: <http://www.hist-edu.ru> (дата обращения: 03.05.2017).

Парамонов В. Н. Качество жизни россиян в военный период 1914–1918 гг.: историографический аспект // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4 : История. Регионоведение. Междунар. отношения. 2014. № 5. С. 39–51.

Петров Ю. А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Рос. история. 2017. № 2. С. 3–16.

Рабочий класс России. 1907 — февраль 1917 / отв. ред. В. Я. Лаверычев. М. : Наука, 1982.

Семенова Е. Ю. Российский город в годы Первой мировой войны (на материалах Поволжья). Самара : Самар. гос. техн. ун-т, 2016.

Февральская революция 1917 года: Проблемы истории и историографии / отв. ред. проф. В. В. Калашников. СПб. : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017.

Хеймсон Л., Бриан Э. Стачное движение в России во время первой мировой войны: количественный анализ и интерпретация // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях / отв. ред. Л. В. Милов. М. : Наука, 1992. С. 79–113.

Статья поступила в редакцию 22.06.2017

Поршнева Ольга Сергеевна

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России
Уральский федеральный университет,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19
E-mail: o.s.porshneva@urfu.ru

Porshneva, Olga Sergeevna

Dr. Hab. (History), Professor,
Chair of the History of Russia
Ural Federal University
19, Mira Str., 620002 Yekaterinburg, Russia
Email: o.s.porshneva@urfu.ru

**WORKERS' BEHAVIORAL PRACTICES ON THE EVE OF FEBRUARY, 1917:
ON THE PREREQUISITES FOR THE REVOLUTION**

This article considers the role of the workers' movement, mass sentiments, and behavioral practices of workers in the development and resolution of the revolutionary crisis on the eve of February, 1917 in the context of the modern historiographical situation. The author analyses the main factors and manifestations of the aggravation of workers' protest moods and protest activity between mid-1915 and early 1917. It is established that the most urbanised strata of workers, primarily the metalworkers of Petrograd played a major role in the development of the political strike movement. The worsening of the socio-economic situation and the growth of protest activity of the mass strata of workers correlated. The labour movement also depended on the crisis of the upper strata more than on the agitation of revolutionary parties. The author maintains that the workers' protest practices, which received an impulse in the autumn of 1916, were based on their idea of the need for a radical democratisation of the political system, the abolition of the autocratic regime, which became widespread in the working environment. While it was not the workers that played

a decisive role in overthrowing autocracy in February 1917, the author cautions against the underestimation of the role of workers as one of the main social actors of the Revolution. The soil for the overthrow of autocracy ripened in the mass sentiments of workers, their spontaneous movement, which the left parties rested on. Without the high activity of workers, the February events would not have become a popular movement.

Key words: February Revolution of 1917; workers; workers' movement; revolutionary crisis; Russia; World War I.

Acknowledgements

The article is supported by the *Russian Science Foundation* (project 16-18-10106 “Early Soviet Society as a Social Project: Ideas, Realisation Mechanisms, and Construction Results”).

Belova, I. B. (2011). *Pervaia mirovaia voina i rossiiskaia provintsii. 1914 – fevral' 1917 g.* [World War I and the Russian Province. 1914 – February 1917]. Moscow: AIRO-XXI. (In Russian)

Galili, Z., Nenarokov, A., & Haimson, L. (Eds.). (1994). *Men'sheviki v 1917 godu* [The Mensheviks in 1917] (Vols. 1–3). (Vol. 1). Moscow: Progress-Akademiya. (In Russian)

Haimson, L., & Brian, E. (1992). Stachechnoe dvizhenie v Rossii vo vremia pervoi mirovoi voiny: kolichestvennyi analiz i interpretatsiia [The Strike Movement in Russia during the First World War: Quantitative Analysis and Interpretation]. In L. V. Milov (Ed.), *Rossia i SShA na rubezhe XIX–XX vv. Matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniakh* [Russia and the United States at the Turn of the 20th Century. Mathematical Methods in Historical Research] (pp. 79–113). Moscow: Nauka. (In Russian)

Kalashnikov, V. V. (Ed.). (2017). *Fevral'skaia revoliutsiia 1917 goda: Problemy istorii i istoriografii* [The February Revolution of 1917: Problems of History and Historiography]. St Petersburg: Izd-vo SPbGETU «LETI». (In Russian)

Kanishchev, V. V. (1995). *Russkii bunt – bessmyslennyi i besposhchadnyi. Pogromnoe dvizhenie v gorodakh Rossii v 1917–1918 gg.* [Russian Rebellion is Senseless and Ruthless]. Tambov: Izd-vo TGU. (In Russian)

Kiryanov, Yu. I. (1993). Massovye vystupleniia na pochve dorogovizny v Rossii (1914 – fevral' 1917) [Mass Actions Caused by High Prices in Russia (1914 – February 1917)]. *Otechestvennaya istoriya*, 3, 3–18. (In Russian)

Laverychev, V. Ya. (Ed.). (1982). *Rabochii klass Rossii. 1907 – fevral' 1917* [The Working Class of Russia. 1907 – February, 1917]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Lekomtsev, M. G. (1992). Formy bor'by rabochikh v Tsentral'nom promyshlennom raione Rossii i factory ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiia v gody pervoi mirovoi voiny (iul' 1914 – fevral' 1917 g.) [Forms of Struggle of Workers in the Central Industrial Region of Russia and Factors of Economic and Political Development during the First World War (July 1914 – February 1917)]. In L. V. Milov (Ed.), *Rossia i SShA na rubezhe XIX–XX vv. Matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniakh* [Russia and the United States at the Turn of the 20th Century. Mathematical Methods in Historical Research] (pp. 142–154). Moscow: Nauka. (In Russian)

Nefedov, S. A. (2016). Astoria. *Novyi mir*, 10, 142–150. (In Russian)

Nefedov, S. A. (2017). O Fevral'skoi revoliutsii i «zagovore Guchkova» [About the February Revolution and the “Guchkov Conspiracy”]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 9, 2/1. Retrieved from <http://www.hist-edu.ru>. (In Russian)

Paramonov, V. N. (2014). Kachestvo zhizni rossiian v voennyi period 1914–1918 gg.: istoriograficheskii aspekt [The Quality of Life of Russians during the Military Period between 1914 and 1918: Historiographical Aspect]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 5, 39–51. (In Russian)

Petrov, Yu. A. (2017). Rossiia nakanune Velikoi revoliutsii 1917 g.: sovremennye istoriograficheskie tendentsii [Russia on the Eve of the Great Revolution of 1917: Modern Historiographic Tendencies]. *Rossiiskaia istoriia*, 2, 3–16. (In Russian)

Semenova, E. Yu. (2016). *Rossiiskii gorod v gody Pervoi mirovoi voiny (na materialakh Povolzh'ia)* [The Russian City during the First World War (on the Materials of the Volga Region)]. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet. (In Russian)

Received on 22 June, 2017